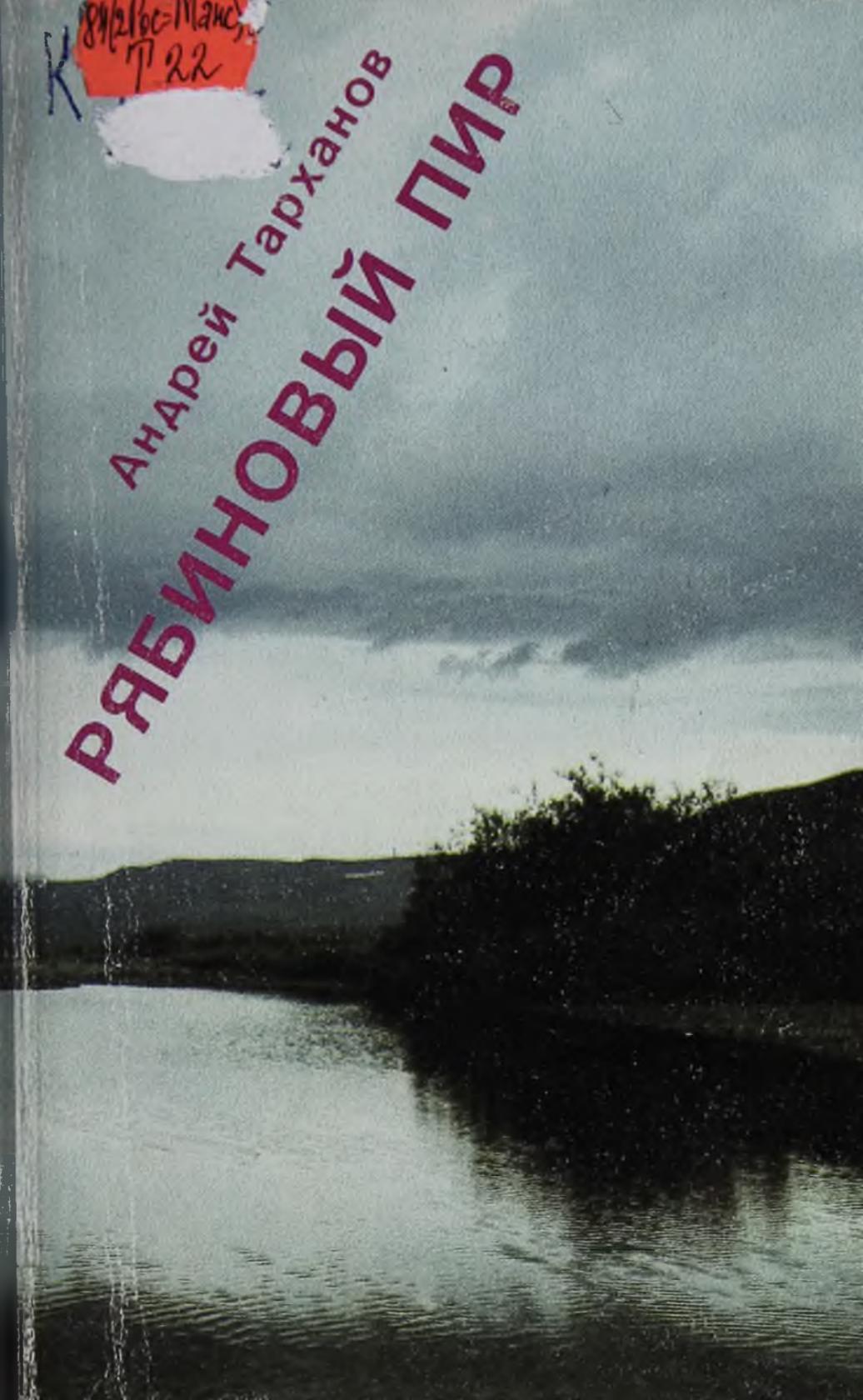

К 89/2160-11ас
Т 22

Андрей Тарханов

РЯБИНОВЫЙ ПИР

Андрей Тарханов

РЯБИНОВЫЙ ПИР

Стихотворения

Кривоводский
ФОНД

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

- 31160 - 2

Книжно-информационная
служба библиотеки
~~ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗАЛ~~

84P7 Ма
Т 19

Редактор С. В. Марченко

Т $\frac{4702010202-074}{M158(03)-90}$ 39-90

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1990

ISBN 5—7529—0293—2

Гимн березовому соку

*В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,
Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в этот час,
По жилам жизнь клокочет.
От сока опьянев,
Косач
Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то
 пир стоит,
А на земле-то
 радость.
Спешат к березе
 стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.*

* * *

Если кинет судьба на чужбину,
Если родина будет вдали,
Стану я вожаком лебединым,
Стану веткой родимой земли.
Я сегодня в гостях у Армении,
Я сегодня у близких друзей,
И пылает строка вдохновением,
Крепнут крылья тугие у ней.
Но, орленком взлетев над горами,
Дума сердца стремится туда,
Где сшибаются лоси рогами,
Где Конду сторожат невода.
...Я читаю стихи о березе,
И водитель — веселый Ашот,
Глядя вдаль на седые утесы,
Говорит мне: «Шатлав...» — хорошо.
Если верен обычаям края,
Той земле, что тебя родила,
Станет песня посланницей мая,
Где б на свете она ни была.

* * *

Цветет душичка луговая,
С волной играют муксуны.
Мелодией родного края
Мы с колыбели вспоены.

И небо нам отцовски ближе,
И бор таежный — брат родной:
От молока кедровых шишек
И от тебя, хвой настой.

От холодов в крови терпенье,
Коль надо — жертвуем собой.
Таежники мы
И с рожденья
Особой мечены судьбой.

Зов

Нуми-Торыма¹ белая птица²
Сыплет звезды пушистые — снег.
И береза в окошко глядится,
Ей к лицу горностаевый мех.
Этим ликом разбуженный рано,
Загрустивший по новым вестям,
Распахну я оконную раму
Снегу первому, солнцу, ветрам.
В позабытом тревогами доме
Принимаю, как верных друзей,
Щепот — эхо уснувшего грома,
Шорох снега и зябких ветвей.
И опять я в плену у дороги,
Через душу проходит она,
Не прожить мне и дня без тревоги,
Участь эта природой дана.
И опять открывать буду страны
Рек и кладов, бродя по лесам.
Счастье — это, наверное, тайны,
Что в пути открываются нам.

¹ Нуми-Торым — верховный бог манси.

² Белая птица — лебедь.

Элентур¹

Дальнее озеро наше —
Устье морошковых рек.
К этой серебряной чаше
Вечно спешил человек.

Здесь, у воды животворной,
Каждая травка цвела.
Радуга в дали озерной
Воду,
 как лебедь, пила.

Тихо слеза высыхала,
И улетала беда,
Если с тобою вступала
В кровную близость вода.

Воду живую от горя
Радостно пил, не спеша.
Знать, для грядущего боя
Сил набиралась душа...

Дальнее озеро наше,
Сыну ответишь ли ты,
Кто осквернил твою чашу,
Вырубил лес у воды?

Плачу душой оскорбленной
На крестовине дорог.
Катятся, жалуясь, волны
На почерневший песок.

¹ Элентур (манс.) — дальнее озеро.

* * *

Тревожно, беспокойно здесь,
У огородов частника.
В колючей проволоке лес,
И чей-то дом, и пасека.
В затесах сосны.

Вон столбы
Для новых двух «обителей».
И равнодушны и слепы
В тайге

снуют строители.
Колючку тянут.

Ругань, смех.
К деревьям нету жалости.
О, как ты страшен, человек,
В своей
беспечной жадности!

* * *

Говорят — в Урае много нефти.
Я гляжу с тоскою на реку:
Обволакивает нефтью сети
И песок на тихом берегу.
Льется нефть.
Наверно, черным веком
Этот век потомки назовут.
По Конде,
По всем таежным рекам
Рыбины мазутные плывут.

Песня о забытой дороге

Вот колея телеги,
А это след копыт.
Веселый путник ехал,
Но путь его забыт.

Была с ним рядом дочка,
Глаза — от голубик.
Но где ж она? Ни слуха,
Забыт девичий лик.

И сын — поэт певучий —
Так странно позабыт.
В покинутой деревне
В сырой могиле спит.

Как быстро забываем
Друг друга на веку.
Я о тебе, дорога,
Храню свою строку.

От памяти, от долга
И крест, и обелиск.
На холмики седые
Летит осенний лист.

И факелы-зарницы
Горят в ладонях дня.
Но миру не хватает
Сердечного огня.

Ханты-мансийские холмы
В почете ныне у зимы.
Из меха огненной лисицы
У кедров утром рукавицы.
И как задумчивы лога!
Как синева в логах ярка!
Февраль,
А здесь, представьте, тишь.
Зато в буранах весь Иртыш.
Разбег тут ветры набирают,
Через холмы перелетают.
Звучит победный снежный свист,
Без боя взят Ханты-Мансийск.
На каланчу февраль-чудак
Повесил свой мятежный флаг,
Всю ночь он бьется на ветру...
Холмы прекрасны поутру.
Пылают кедров рукавицы,
Горят снега, ликут птицы.
Ханты-мансийские холмы
Всегда в почете у зимы.

Соболенок

Залп ружейный пронзительно звонок.
Ты в дупле притаился дрожа.
Ты остался один, соболенок,
На печальных руках кедрача.
Убаюканный песней знакомой,
Ты уснешь, беззаботно сопя,
Словно не было дымного грома,
Словно мать согревает тебя.
А проснувшись в дупле одиноким,
Ты впервые заплачешь, зверек.
Минет время. Урманов дороги
Возвратят тебе жизни восторг.
Сколько раз ты уйдешь от погони! —
И красивый, и ловкий такой...
Неужели, мой друг соболенок,
Ты расстанешься нынче с тайгой?

Медвежатник

Он был большерук и огромен,
И тайна, видать, у него:
Он шел на медведя,
И кроме
Ножа,
Он не брал ничего.
Судили в деревне, что это —
Не удадь, одно баловство.
Но падали наземь медведи
От хватки железной его.
Не ведал, наверно, таежник,
Куда свои силы девать.
И в прятки со смертью нарочно
Ходил он в урманы играть.
Опять свои страшные меты
Несет он в себе за увал.
И снятся ночами медведи,
Которых в бою обнимал.

Шаим

Шаим, как раненая птица,
Все прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится —
Когда-то громкое село.

Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.

Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли,
Они гитары ветровые
И много воли принесли.

И нефть нашли. «Ура» кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.

И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали —
Развилку шумную дорог...

И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озерный край,
Стране твое известно имя
И город нефтяной Урай.

Но сам Шаим в плену заката,
Живут здесь только старики.
Давно нет сосен в три обхвата,
Нет озера и той реки,

Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло.
Шанм, как раненая птица,
Всё прячет голову в крыло.

Исповедь волка

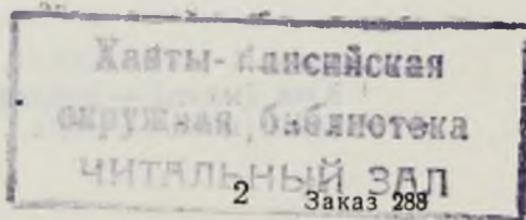
Поляна в розовом тумане,
И солнце, и проклятый пень...
Горит огнем нога в капкане,
Горит уже четвертый день.
Не убавляется от снега
И жажда, и тоска моя.
Я жду, я чую человека,
Живу последней встречей я.
Чтоб разорвать тебя на части,
Я мертвым притворюсь на миг,
И будет месть,
И будет счастье,
И будет мой победный крик.
Ты не спешишь, мой враг,
и злоба

Терзает, мучает меня.

И ради воли надо,
чтобы

Тебе оставил лапу я...

- 31160 -

Юча¹

Юча — девушка из сказки,
Дочь метельной Тэли²,
Но глаза у Ючи милой
Цвета майской ели.

Как идет она проворно —
Вестник хвойной воли!
Две косы играют, словно
Горностаи в поле.

В небе радуга сияет,
Тает в небе туча,
Потому что улыбнулась,
Словно солнце, Юча.

Доброта ее известна
Каждой птице, зверю.
Вы на стук веселой Ючи
Распахните двери.

Много в мире зла и козней.
К счастью, с колыбели
Нас от них оберегает
Юча — дочка Тэли.

¹ Юча (манс.) — добрая лесная фея.

² Тэли (манс.) — зима.

Маска язычника

П Пляшет маска,

П Пляшет Яска.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Я Яска пляшет и поет,

З Заклинание кладет

Н На озера, на деревья,

Ж Как вода, нужны поверья.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Г Где б я на рыбалке ни был,

Б Будь всегда спокойным, небо.

З Заходите в мой провязь,

Н Нельма, стерлядь и карась.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

П Пляшет Яска на поляне,

П Пляшет утром рано-рано.

Ж Жорявые сучья завидуют маске,

Ж А звери и птицы завидуют пляске.

О Ой, страшная маска командует Яской!

З Зачем семь рогов у нее из лосины?

— Они для удачи,— вам скажут осины.

Г Глаза ее совьи мерцающе светят.

— Знак мудрости это,— вам кедры ответят.

О Оскалом зубов ее рот не сверкает,

З Зачем зря смеяться? Кто это не знает.

В В оранжевых дугах, зеленых обводах

О Она почему?

В Вам расскажут в народе:

Н Не дуги — стоцветные радуги это.

З Зеленый обвод — комариное лето.

— Кара-ю!

— Кара-ю!
Пляшет, пляшет бойко маска —
И молва тайги, и сказка.
В сердце дива не таю,
Вместе с маской вам дарю.
— Кара-ю!
— Кара-ю!

Идол

Глаза туманные протри,
Тайга, кто пьет лучи зари?
Тайга пугливо говорит:
— Идол.

Кто десять тысяч дней, ночей
Для неба копит соболей?
Я вызнал тайну у ветвей —
Идол.

Но час прозрения настал,
Я из тайги тебя прогнал,
Ты убежал куда-то вдаль,
Идол.

Где ты теперь, мой злой божок?
К кому ты ходишь на порог?
Кто для тебя таит восторг,
Идол?..

Янка¹

Янка, красавица Янка,
Как ты живешь, расскажи?
Белые мхи спозаранку
Мне расстели, покажи.
Красную сетку тумана
Ты уронила с лица.
И, увидав тебя, Янка,
Тихо запели леса.
Как в бубенцы зазвенели,
Славя тебя, кулики,
Лоси из бора глядели
На шелковистые мхи.
Слух о тебе, моя Янка,
Добрый идет по лесам:
Лечишь ты уток-подранков,
Лечишь ты лося от ран.
Бор говорил, обессилев:
— Янка, спаси, напои.
Щедро ему ты дарила
Чистые воды свои.
Белые мхи спозаранку
Стелешь ты мне от любви.
Янка, красавица Янка,
Долго на свете живи.

¹ Янка (манс.) — молодое болото. По мифологии эта красавица — дочь старого болота.

Ослушник

У той, у запретной черты —
Кедровник — вечерняя сказка.
Его стережет от беды
Стрелы напряженная пляска.
Я — вкрадчивый шорох —
Сейчас
С котомкой-луной за плечами
Пройду за черту не таясь,
С распахнутыми глазами.
Дрожанье поймал темноты
Рукой, как сова, обостренной.
Но мне не унять маеты
Души и мечты оскорбленной.
Грохочет души барабан
Подобно июльскому грому:
Обман-ба-бам, обман-ба-бам,
Шагнул, будто падаю в омут.
Шагнул я — ослушник-молва,
Но нет уж атаки и тыла:
Охранной стрелы тетива
Уже облегченно вздохнула...

И люди ту жертву мечты
Запечатлеют на камнях:
В руках — по куску темноты,
В глазах — онемевшие тайны.

К священному кедру

Священное дерево, здравствуй.
Туман убери-ка с ветвей,
Мы будем с любимой во власти
Загадочной воли твоей.
Язычник по крови,

я волен

Содействия ждать от тебя.
Ведь нету несчастье доли,
Чем жить никого не любя!
Твой Храм для удачи основан.
Пусть тайной поделится он.
Ты видишь —

я очень взволнован,

Ты видишь —

я нынче влюблен.

По давнему праву и долгу
Для милой удачу молю.
Ты что-то завистливо-долго
Глядишь на подругу мою.
И снегом пахнуло тревожно.
Но вспомнил я знаки твои.
Ведь снег, по легенде таежной,—
Примета добра и любви.

Из детства

Словно в просветы тумана,
Слышу и вижу сейчас:
Гармони играют пьяно,
Слезы бегут из глаз
У матери — тихой ивы
С берега илистой Ах.
И я стою сиротливо
С непониманьем в глазах.
Отец говорит влюбленно:
— Нам бы за клюквой с тобой...
А солнце огромно-огромно
Над мировую войной.
Вот и прощальные залпы
Дедовских дробовиков.
Прощайте, сети и арпы¹,
Дали кедровых боров!
Плывут и плывут в тумане
Лодки.
Отец на корме.
Он взглядом ласкает маму,
Руки тянет ко мне...
Краснели глаза у лета
От урагана войны.
Мы ждали отца с победой
Лютых четыре зимы.
Победа и похоронка
В наше пришли жильё.
Победа!
Отец мой, помню:
Я — продолженье ее.

¹ Арпа — рыболовное устройство на реке.

Лунная ночь

Лунный ливень льется, льется
На луга, на лошадей.
И серебряно смеется
Возле берега пырей.

К стогу лунному устало
Прислонился ветер-шут.
Лунным пухом сено стало,
Сны, как ландыши, цветут.

Берегут сиянье стражи —
Золотые муксуны.
В ночь такую мысли наши
Спят на крыльях тишины.

Песня детства

Гроздья брусники багряны,
Ясно в сосновом бору.
За руку девочку Таню
Тихо и робко беру.

Таня сегодня послушна,
На удивленье мила.
На розоватое ушко
Вдруг паутинка легла.

Льют синеву небосводы,
Гуси трубят в вышине.
И по веленью Природы
Ты улыбаешься мне.

Наши сближаются губы,
Бьются смущенно сердца...
Пойте, небесные трубы!
Пойте, родные леса!

Что говорил я, смятенный,
Знает один только бог...
День этот благословенный
Так невозвратно далек.

* * *

От шелеста трав
и до шороха звезд —
Всё это просторы ребенка.
Лежит он под крышею неба,
от грез
Счастливых смеется тихонько.
Он весел,
У счастья распахнутый лик,
Он — связь и небес, и поляны.
А годы промчатся,
и вот он — старик.
Но думы его беспечальны.
Он помнит,
как рвал для любимой цветы,
И каждую помнит разлуку...
И весь этот мир,
от травы до звезды,
Он отдал веселому внуку.

* * *

Зачем торопим детство, право?
Фрегат бумажный в вечный край
Уже плывет без капитана,
Он мне давно сказал: «Прощай!»
И Дед Мороз мои салазки
Унес —

на то его права.
Мой терем из любимой сказки
Вчера распилен на дрова...

Дождевые нити

На корни мокрые деревьев
Тугие ниточки дождя
Спустились днем из тучи серой
И чуть качаются, блестя.

А в полдень голубыми стали.
Видать, на целый день они
К деревьям тучу привязали,
Ни с места туча-то, взгляни!

Летят дождевики-бисерники
По этим нитям сверху вниз.
И всюду, всюду паутинки
Из синих капель, оглянись!

Аутья¹

Брату Владимиру

Сколько в Аутье икринок
Солнцеликих карасей,
Столько в Аутье кувшинок,
А над яром — глухарей.

Нету речки — знают люди —
Нашей Аутьи светлей.
Здесь любой рыбак добудет
За ночь тысячу ершей.

И совет для пришлых точен:
Ты у речки поселись,
На яру под кроной сосен
Век живи —
и век дивись.

¹ Аутья — название мансийской речки.

Кайгарка¹

Ты в окоеме верб неярких.
Но от волненья в сердце дрожь,
Когда ты вечером, Кайгарка,
Вся в лунном мареве плывешь.
Гляжу с горы твоей на детство —
Оно за быстрою рекой.
Мы с луговой душичкой вместе
Смеялись в полдень голубой.
На островке резвились кони,
Над ними радуга цвела.
На клавишах аккордеона,
На волнах — музыка жила.
Мой край, грозою освеженный, —
Таким я детство узнаю.
И первый луч звезды зеленой
Целует голову мою.
Ты в окоеме верб неярких,
С твоей волной дружны они.
Ты в памяти своей, Кайгарка,
Мой полдень детства сохрани.

¹ Кайгарка — название речки.

* * *

Черные горные пчелы
Утром ко мне прилетели.
Я их не ждал, испугался,
Окна скорее зашторил.

Черные горные пчелы
Долго стучались, шумели,
Что-то сказать мне хотели.

Черные горные пчелы
Тихо назад улетели.
Я, человек, их не понял.

Вечером роща сгорела,
Вечером море штормило.

На Балатоне

Закат лучится акварельно,
Озерный розовый затон.
Минуту каждую, наверно,
Меняет краски Балатон.

Примчалась тучка издалече
И скрыла алый небосклон —
И сразу голубеет вечер,
И голубеет Балатон.

И парус трепетно-зеленый
Вдруг появляется в тиши.
И ветер, волей упоенный,
Упал, как ястреб, в камыши.

И снова небо ясно, чисто,
И всё в оранжевом огне.
И незнакомый парус мчится
На крыльях огненных ко мне.

В Хортобадской степи

В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны,
табуны...

Мчатся кони.

Гудит от копыт вышина.

Неужели в степи запылала война?

Эй, потомки гусаров,

потомки князей,

Вы седлайте скорее отважных коней!

Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...

Наши думы яркие,

как полдневный пожар.

Смотрим в строгие очи

преданий твоих.

Ой, как много веков там пылает лихих!

Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бои,

Потому нам и дороги песни твои!

В Хортобадской степи мы раздумья полны.

В Хортобадской степи табуны,

табуны...

* * *

От медной тучи —
импульсы беды.
Смотрите,
съежились берез листы.
Глядите,
листья ивы как спираль,
Уже багрово-красной
стала даль.
Угрюмый ветер
воет и свистит,
И пыль Земли,
и пыль небес летит.
И человек тревожно-робким стал:
Он перед бурей
как песчинка мал!
И вздрагивают
в аэропорту
Сверхпрочными телами
наши «Ту».

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он молча в даль небес глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.

И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

Купола Тобольска

Остану Шруббу, художнику

Купола.

Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер, не дыша.
В них истории гнезятся вести,
В них мятежных россиян душа.
Вот какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела!
Соловей Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника дерзкая строка.
Голубые купола Тобольска
В небесах плывут,
Плывут века.

* * *

К звезде одинокой смятенно
Я чуткие руки простер.
Горит на виду у Вселенной
Мой тихий таежный костер.

Вот так же на дальней планете
Дорожный горит огонек.
И некто при синем рассвете
Услышать мечту мою смог.

Он видит в глубоком смятенье
Сквозь толщу родимых небес
Ночное земное свеченье
И мой растревоженный лес.

При нас вековая разлука —
При нем и, конечно, при мне.
И, мысленно видя друг друга,
Мы скорбно стоим в тишине.

* * *

Увалы,
 увалы,
 увалы —
В багряном и алом огне.
Ах, в жизни всегда не хватало
Осеннего праздника мне!
За дерзость приходит расплата,
Но мир равнодушья —
 постыл!
Взойдя на костер листопада,
Я душу свою опалил.
Всё в осени —
 боль и мятежность,
И светлый восторг,
 и тоска.
И знаю —
 летят в неизвестность
Не листья,
 а наши года.
От праздника осени стало
Возвышенно-радостно мне.
Увалы,
 увалы,
 увалы —
В багряном и алом огне.

Рябиновый пир

На пир рябиновый спешите,
сойки,
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока горячи,
Как угольки костра,
плоды рябин
И скрипка иволги от счастья плачет...
А кто-то по тропе идет один.
Конечно, я
Кому же быть другому.
Прощанье чую,
вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному,
Огня рябины я у птиц прошу.
Здесь пир горой!
И хочется с улыбкой
Леса обнять за то,
что мы живем.
Бей, дятел, в барабан!
И плачь от счастья,
скрипка!
На пир рябиновый
мы всех зовем.

Осеннее утро

Я вышел из леса в одеждах тумана,
Неся аромат кедрача на плече.
Так чутко и чудно, так трепетно рано,
И ваша калитка еще на крючке.

Оранжевый бакен колдует у плеса,
Роняет картофель последний цветок.
И в душу мою удивленную льется
С полей

кочевая прохлада дорог.

Мне жизни не жалко за это мгновенье,
Которое дарят тайга и прибой.
Осеннее утро — мое вдохновенье,
Хочу я остаться навеки с тобой.

* * *

Иду я к заветным стихам,
Я знаю — до них недалеко,
К вершине иду по слогам —
Ступеням,

такая дорога.

Покоя не будет и там,
Галактик распахнуты двери...
И снова пойду я к стихам,
И снова в удачу поверю.

* * *

Цветет шиповник.
Стали вроде
Душистей небеса мои.
Цветет шиповник.
И в Природе
Ликуют даже муравьи.

Они тропу нетерпеливо
Вблизи шиповника торят
И у цветов несуетливо
О чем-то тихо говорят.

Дышу цветами.
От услады
На землю падает слеза.
И фиолетовы закаты,
И фиолетовы леса.

Белые образы

(стихи, рожденные в грозу)

Белым туманом дымятся
Белые капли росы.
Белые молнии снятся
После июльской грозы.

Белая вспышка сольется
С капелькой крови в душе —
И навсегда остается,
Станет твоею уже.

В пору лихого ненастья
Белый родился испуг.
Белые молнии снятся,
Белый вторгается звук.

Стихи о комаре

(шутка)

Мне приснился врач сердитый,
Шприц держал он вот такой...
Закричал я: «Не колите!..»
Закричал я: «Ой, ой, ой!..»
Я глаза открыл от боли,
Глянь —

комар на мне сидит.

«Укусил я поневоле.
Ты прости, брат, — говорит. —
Неспроста я беспокою,
Есть беда, — пищит комар. —
День последний, я не скрою,
Для моей тайги настал.
Сотни лет, ты знаешь, жили
За Варпавлой¹ кедрачи.
Их вчера, поверь, спилили
Лесорубы-лихачи.
Так что я лишился дома —
Кедров нет, болота нет.
Ты старинный мой знакомый,
Выручай меня, поэт.
Видишь сам —

я в кабинете

Много места не займу,
Вдохновенье у поэта
Я, клянусь, не отниму».
— Ну, тогда живи, брат, с миром.
Но совет мой разумея:
Кликни свой народ в квартиры
Лесорубов-лихачей.

¹ Варпавла — мансийская деревня.

Белый клевер

Белый клевер,
Белый клевер
В небо ясное глядит.
Скоро это поле Север
Холодами опалит.

Ветер жаркий и веселый
Улетел, и ты притих.
Ты дарил влюбленным поле,
Был ты нежностью для них.

И загадочно и странно
Ты белеешь при луне.
И, качаясь, воздух пряный
Серебрится в вышине.

Скоро грянет дождь осенний.
И у тихого костра
В сердце вспыхнет сожаленье:
Белый клевер цвел вчера.

В предгрозые

*Светлой памяти отца —
Семена Прокопьевича Тарханова*

Запах хвои и серы кедровой,
С берегами веселыми лог.
И рождается мудрое слово,
И рождается детский восторг.
Этот миг незабвенный, как звуки
Убежавшего к солнцу ручья.
Я стою на коленях,
А руки
Ловят первые капли дождя.

* * *

Рыбачили, сено косили
Когда-то мы в этой глуши.
Все меньше селений в России,
Все больше смятенья души.

А в небе машинные громы.
И в космос летят корабли.
Но слышатся в поле и дома
Печальные вздохи земли.

Конечно, нужны нам полеты,
И поиск, и дерзость нужны.
Но где же святые заботы
О землях и реках страны?!

* * *

*Истинным таежникам —
Петру и Лиле Филатовым*

За Тутлеймом¹ глушь дремуча,
Неприступен каждый лог.
А река...
 река певуча,
Серебриста, как сырок.

Здесь медведь подаст вам знаки —
Мол, не трону, я не враг.
Век не видел он собаки,
Зверь доверчив,
 как чудак.

И неспешны птичьи речи,
Не щетинит перья дрожь.
Здесь поймешь ты, человече,
Что неправедно живешь.

¹ Тутлейм — хантыйское селенье.

* * *

Я годовое выписал кольцо —
Свою тамгу¹ на пне морозном.
Мне не забыть счастливое лицо
И лес в тумане папиросном.
Мороз тут часто курит поутру...
Качанье елей в дымчатом бору,
И шепот твой: «Танцуют ели»,
И санквалтап² лесной метели.

¹ Тамга — личный священный знак.

² Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

Мой сон

Мой сон —

Серебристые крылья орлов
Касаются тонких, как дым, облаков.

И я в ослепительной дали парю

И, небом любуясь, ликуя, пою.

Орлы серебристые рядом парят.

Но странно: не в небо,

на землю глядят.

Неужто наскучили им небеса?

А что на земле?

Розовеют леса,

В оранжевом мареве домик отца.

Рябина огнем августовским цветет,

И тихая мама бруснику берет.

И в лодку садятся мои сыновья.

Встревожилось сердце —

вы ждите меня!

Но лодка умчалась навстречу волне,

И нету орлов.

Я один в вышине.

Нахмурилась высь, одиночеством мстя.

Спускаюсь на землю

По ниткам дождя.

* * *

А солнце весною душисто.
Не верите?

Я докажу.

На этой поляне огнистой
Лучами апреля дышу.

Загадочный запах, неясный.
Видать, этот солнечный выюн
Ударился где-то на Марсе
О дымчато-красный валун.

О луч сладковатый и пряный
С привкусом свежей халвы!
Коснулся он кобальта пальмы
И сочной зеленой травы.

Живительны запахи, верьте!
Они — будто детские сны.
И полнится, полнится сердце
И силой, и лаской весны.

Красный лес

В берегах высоких Супра¹,
Красный бор невдалеке.
Этот лес в любое утро
Улыбается реке.

Хорошо в просторах ясных.
Ты тихонько осмотришь:
Между сосен медно-красных
Бродит хитрый красный лис.

Тут гнездо надежно спрятал
Гоголь, верящий стволам.
И на красной флейте дятел
Здесь играет по утрам.

Красный лес — хранитель лета.
И от веток с высоты
В мир уходят токи света,
И любви, и доброты.

¹ Супра — название мансийской реки.

Спящая бабочка

Спящая бабочка в доме
На паутине, на клене¹.
Бабушка в горнице ходит,
С бабочки взгляда не сводит.
Внукам Сереже и Вите
Шепчет она: «Не шалите.
Дверью не хлопайте, дети.
Снится ей сказка
О лете...
Вдруг паутинка порвется,
Бабочка тотчас проснется.
Мир ее хрупок и тонок,
Бабочка тот же ребенок».

А за окошком морозы,
В инее красном березы.

Бабушка тихо вздыхает,
Сердце ее замирает.
«Пусть до весеннего грома
Спит наша бабочка дома».

¹ Клен — декоративное растение.

Метель в кедраче

Как заяц, бор кедровый бел,
И в дымке белой круча.
В Ханты-Мансийск летит метель —
Разгульна и певуча.

Как рысь, метель разъярена,
С вершин кидаясь смело.
И, словно море, высота —
Вся в волнах черно-белых.

Бежит по ветке снежный ком,
Он словно белка скачет.
Шумит, качаясь, лес кругом
И малых пташек прячет.

А соболя, а соболя
Из нор на волю мчатся,
Они — любимцы февраля —
В метель всегда резвятся.

Если сердце взгрустнет,
если сердце застонет,

Гляну в небо —
в минувшее бы воспарить!

И проснется в душе моей
чувство погони,

И опять бесшабашно захочется жить.

* * *

Ты смеешься и ходишь легко,
Не имеешь забот, вероятно.
Годы юности так далеко!
Двадцать лет надо ехать обратно...

Я с волнением гляжу на тебя
И, конечно, немного с тоскою.
Я зову тебя в поезд, любя:
— Все оставь и поедem со мною!..

В край моих первозданных лесов
Мой зеленый вагон уносило.
А с тропинки глядела любовь,
И задумчиво солнце светило.

Этот миг я несу сквозь года
И печальную девушку эту.
За окошком летят города
И дороги —
я еду и еду...

* * *

Осколок солнца в сердце у меня,
Я с ним не знаю лени и покоя.
Душа моя сегодня — поле боя,
Где в наступленье жарком — зори дня.

Рябиновый мыс

Этот звонкий Рябиновый мыс,
Где поют глухари на рассвете,
Полюбили восторженно мы —
Деревенские тихие дети.
Прибегали гурьбою.

Роса

Наши цыпки прохладой лечила.
И рябина —

окры краса —

Искры-ягоды щедро дарила.
На яру нам мечталось легко,
На яру глухари ликовали.
Мы бросались в протоку с него,
Мы к полету души привыкали.
Много лет миновало.

И мы

В одиночку сюда приходили.
Был таким же ликующим мыс,
Мы седыми и грустными были.

* * *

Сыну Ване

Улыбка ребенка во сне
Вовеки ни с чем не сравнима.
В ней солнце, в ней трепет любви.
А разве любовь объяснима?

Природа так верит тебе,
Устала она от обмана.
— Что снилось тебе, расскажи?
— Огромное солнце и мама.

* * *

Душа
на цветущее лето похожа:
Хмелея от трав полевых,
Она удержать своих красок
не может,
Медвяно пролившихся
в стих...
Ты жди,
человек,
лебединого клика,
Порывы души веселы.
Созрела в ее небесах
голубика,
И ветры душисто-теплы.

Тамга

В моем лесу деревья юны,
У них нашла приют заря.
Моя тамга — листок и струны,
Листок с березы сентября.
Листок пылающей Природы,
Где равнодушью места нет.
И я несу, несу сквозь годы
Неостывающий рассвет.

Давнее...

Ты легко роняешь звуки
Целый день с гитарных струн.
В них — любовь и боль разлуки,
Ах, седой цыган,
ты — юн.

Пряди снежные свободно
В кудри черные вплелись.
Ты поешь кому угодно:
«Эх, моя шальная жизнь!..»

Эти руки, эти руки
Без гитары не живут.
Эти звуки, эти звуки
В непонятный мир зовут.

Белая симфония

Белая симфония моя —
Это голос снега и ручья.

Это звоны-громы Иртыша
В день,
 когда поет его душа.

Льдины ввысь взлетают, грохоча
От ударов синего меча.

А Иртыш смеется, будто гром,
Весело работая веслом.

Он торопит льдины: у реки
Ждут своей минуты рыбаки.

И подснежник ждет лучей в бору,
Он озяб от снега поутру.

Снег летит последний.
 Гром гремит.
Белая симфония звучит.

Таежная река

Ай-Пим — таежная река,
Простора ей, кипучей, мало.
И, раздвигая берега,
Бежит от хмурого Урала.

А Ледовитый океан
Вдогон метели посылает.
Но сквозь снега и сквозь туман
Ай-Пим летит, Ай-Пим играет.

Ай-Пим — веселая река,
Охотники об этом знают.
В вечерний час у костерка.
Ее причуды вспоминают.

Вдруг просыпается она
В январскую лихую стужу.
И веришь, что близка весна,
И облака тревожат душу.

Ай-Пим зовет буровика,
Дорогу к недрам открывая.
Ай-Пим — таежная река,
Она — любовь и гордость края.

Птичьи сны

Ветки пахучие, гнезда укройте,
Не уходи, тишина.
Снятся листья подорожника сойке,
Иволге снится сосна.

Песни свои повторяет синица —
Спит и тихонько поет.
Видит зарянка: все небо искрится,
Музыка в небо зовет.

Каждому сердцу небес не хватает —
Этой ночной вышины.
Музыка всюду летает,
Летают —
птичьи веселые сны.

Мой октябрь

Торопит осенняя ясность
Летающий встревоженный клин.
И всюду таится опасность —
Мой друг, не останься один!

Последние листья сгорают,
Последние свадьбы играют.
Счастливым им кажется мир,
Спешите на свадебный пир!

И скрипки поют, и гитары,
В них голос мечты и надежд.
Мой месяц рожден для пожара,
А также для белых одежд.

* * *

Мечта — стрела на гибком луке.
Мгновенье — и за облака
Лечу навстречу новой муке,
Еще неведомой пока.
Я в невесомом звездном царстве
Заполонен восторгом весь.
— Волшебная Венера, здравствуй,
Я остаюсь навеки здесь.
Когда-то тут вольготно жили
Сказители легенд моих
И солнце за руку водили,
Как я вожу теперь за них.
Но отчего они не стали
В алмазном чуме проживать?
От красоты небес устали?
Богов наскучили слова?
Поступок их, признаться, странный...
Однажды сон приснился мне:
Кувшинка в заводи Тумана
И ты, бегущая к волне.
И так мне душу защемило,
Пугаюсь приоткрыть глаза.
И от земных нелегких былей
На щеки выпала роса.
И не жилец я звездный боле.
Мне землю надобно познать.
И вот уже в знакомом поле
Бегу березку обнимать.
Припав губами к травам колким,
Я чую в них чувала дым...
Зачем я шел дорогой долгой
И трудной
К истинам простым?..

Содержание

Гимн березовому соку	3
«Если кинет судьба на чужбину...»	4
«Цветет душичка луговая...»	5
Зов	6
Элентур	7
«Тревожно, беспокойно здесь...»	8
«Говорят — в Урае много нефти...»	9
Песня о забытой дороге	10
«Ханты-мансийские холмы...»	11
Соболенок	12
Медвежатник	13
Шаим	14
Олень	16
Исповедь волка	17
Юча	18
Маска язычника	19
Идол	21
Янка	22
Ослушник	23
К священному кедру	24
Из детства	25
Лунная ночь	26
Окунь и девочка	27
Песня детства	28
«От шелеста трав...»	29
«Зачем торопим детство, право?..»	30
Дождевые нити	31
Аутья	32
Кайгарка	33
«Черные горные пчелы...»	34
На Балатоне	35
В Хортобадской степи	36
«От медной тучи — импульсы беды...»	37
Рерих	38
Купола Тобольска	39
Ночной Туман	40
«К звезде одинокой смятенно...»	41
«Увалы, увалы, увалы...»	42
Рябиновый пир	43
Осеннее утро	44
«Иду я к заветным стихам...»	45
«Цветет шиповник...»	46

- Белые образы 47
Стихи о комаре 48
Белый клевер 49
Моя деревня 50
В предгрозые 51
«Рыбачили, сено косили...» 52
«За Тутлеймом глушь дремуча...» 53
«Я годовое выписал кольцо...» 54
Мой сон 55
«А солнце весною душисто...» 56
Красный лес 57
Спящая бабочка 58
Метель в кедраче 59
Погоня 60
«Ты смеешься и ходишь легко...» 62
«Осколок солнца в сердце у меня...» 63
Рябиновый мыс 64
«Улыбка ребенка во сне...» 65
«Душа на цветущее лето похожа...» 66
Тамга 67
Давнее... 68
Белая симфония 69
Таежная река 70
Птичьи сны 71
Сосновый бор в грозу 72
Свадебные кони 73
Мой октябрь 74
Вечный бой 75
«Мечта — стрела на гибком луке...» 76

Тарханов А. С.

Т19 Рябиновый пир: Стихи.— Свердловск:
Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990.— 80 с.

ISBN 5—7529—0293—2

25 к. 7000 экз.

Мир Природы величав и прекрасен. Но страшен в ней человек, лишенный нравственности и душевности,—таков лейтмотив нового поэтического сборника мансийского поэта Андрея Тарханова.

Т $\frac{4702010202-074}{M158(03)-90}$ 39-90

ББК 84 Р7 Ма

Андрей Семенович
Тарханов

РЯБИНОВЫЙ ПИР

Редактор С. В. Марченко
Художник В. Г. Сысоев
Художественный редактор Н. В. Данилов
Технический редактор И. Ш. Трушникова
Корректор Н. И. Тунгусова

ИБ № 1949

Сдано в набор 5.05.89. Подписано в печать 28.08.89.
НС 12176. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 2,9. Усл. кр.-отг. 3,2. Уч.-изд. л. 2,1. Тираж 7000.
Заказ 288. Цена 25 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Сверд-
ловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва
«Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

74642004
Окружная библиотека

31160-2

25 к.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1990